

Рётаро Сиба, Дональд Кин Японцы и японская культура

(Глава 3)

Е.В. Симонова

Данная публикация содержит перевод главы 3 из книги «Японцы и японская культура», написанной совместно Сиба Рётаро и Дональдом Кином. Произведение предстаёт в форме беседы двух признанных авторитетов в области японской литературы, которые обсуждают проблемы возникновения и развития японской культуры, вопросы религии и философии, влияние западной культуры на японскую.

В главе 1 основное внимание уделено начальному этапу формирования японской культуры в эпоху Нара (710–794), обсуждаются китайское влияние и возникшее в ответ мощное национальное течение, особенности эпохи экспансии зарубежной культуры. Особое внимание собеседники уделяют категориям мужественности (масурабури) и женственности (таоямэбури), которые ярко воплотились в литературе и искусстве Японии [1].

В главе 2 рассматриваются особенности религиозной жизни Японии, преимущественно эпохи Хэйан (794–1185) и Камакура (1185–1333). Основное внимание в беседе исследователей уделено основателю буддийской секты Сингон, философскому и религиозному деятелю – Кукаю и легендарной личности дзенского наставника Иккю. Рассматриваются особенности тантрического буддизма и дзен-буддизма. Кроме того, в этой главе обсуждаются темы, посвящённые возникновению и распространению христианства в Японии [2].

В главе 3 предметом разговора являются культура и искусство эпохи Муромати (1336–1573). Основное внимание в беседе уделено формированию эстетических принципов этого времени, повлиявших на дальнейшее развитие японской культуры. Размышляя об особенностях представлений о красоте «по-японски», собеседники рассматривают особенности Золотого храма и Серебряного павильона, японской архитектуры, живописи и керамики.

Сиба Рётаро (1923–1996) – известный писатель и публицист, автор романов «Гори, мой меч», «Облака над холмами» и др. Дональд Кин (род. в 1922 г.) – один из наиболее признанных специалистов в области японской литературы и культуры, автор многочисленных исследований по японской поэтике.

Ключевые слова: период Муромати, эстетические принципы японского искусства, золото, серебро.

Глава 3¹

Мир золота – мир серебра

Эстетика смутного времени

Асикага Ёсимаса и культура Восточной горы

Сибя. Считается, что японская культура берёт начало с эпохи Хэйан, однако источники бытовой культуры, которая непосредственно связана с нашей жизнью, будь то менталитет или архитектура, лежат в основном в эпохе Муромати. То же можно сказать о чайной церемонии и искусстве цветочной аранжировки, театрах Но и Кабуки. Тогда же начал развиваться традиционный танец, которым мы можем наслаждаться и сейчас. Судя по всему, в эпоху позднего Муромати искусство проникло даже в среду простого народа и неграмотных солдат. А слова, которые использовали в текстах пьес театра Кабуки, со временем стали тем языком, на котором мы с вами разговариваем. Выходит, язык театра Кабуки, зародившийся в Киото, распространился по всей Японии, от залива Цугару на севере до острова Танэгасима на юге, и даже проник на Окинаву. К тому же, язык театров Но и Кабуки, став повсеместным, оказался весьма подходящим для формирования языкового стандарта, а наличие языкового стандарта упрощает письменную фиксацию. До нас дошло немало документов позднего Муромати и Эпохи Воюющих провинций², в которых безымянные авторы описывают события своей жизни. Я думаю, что возможность описать свой военный опыт появилась у людей с приходом в их жизнь театра Кабуки, который принёс и свой язык. Впрочем, это лишь мое мнение...

Кин. Если говорить о Средневековье, эпохе Муромати, меня всегда интересовала «культура Восточной Горы»³. То, что я читал о 8-м сёгуне Асикага Ёсимаса⁴, порой приводило в замешательство. Вообще, это человек-загадка. В храме Гинкакудзи есть памятник сёгуну. Кто он: выдающийся человек или тиран? Насколько я знаю, в Японии нет полного жизнеописания Ёсимаса. Скажем, в серию «Жизнь замечательных людей», которая издаётся уже больше десяти лет, его биография не вошла. Возможно, причиной является отсутствие серьёзных исследований, однако было бы замечательно, если бы кто-нибудь, собрав все имеющиеся сведения, взялся за этот труд.

Ёсимаса, пока ещё не был построен Серебряный павильон, вёл во Дворце Цветов *Хана-но госё*⁵ совершенно невозможную, по моим представлениям, жизнь. Дело в том, что самое

¹ Перевод осуществлен по изданию [3].

² Эпоха Воюющих провинций, или период Сэнгоку (戦国時代 *сэнгоку дзидай*) – период в японской истории со второй половины XV до начала XVII в.

³ Культура Восточной Горы (東山文化 *хигасияма бунка*) – термин, которым обозначают японскую культуру середины XVI в. Соответствует середине периода Муромати, правлению 8-го сёгуна Асикага Ёсимаса. Культура названа в честь «Восточной горы» – Хигасияма, местности на востоке средневекового Киото, где сёгун имел собственную резиденцию, известную сегодня как «Серебряный павильон».

⁴ Асикага Ёсимаса (足利義政, 20 января 1436 – 27 января 1490) – 8-й сёгун Японии из династии Асикага в период Муромати. Годы правления: с 1449 по 1473 г.

⁵ Дворец Цветов, Хана-но госё (花の御所 *хана-но госё*) – резиденция 3-го сёгуна Асикага Ёсимицу.

кровавое сражение гражданской войны Онин⁶ можно было наблюдать из окон резиденции сёгуна. Ёсимаса же проводил дни и ночи, устраивая роскошные банкеты и наслаждаясь женской красотой. Вспоминаются легенды об императоре Нероне, который, наблюдая за Великим пожаром Рима, играл на лютне и декламировал стихи. Возможно, это всего лишь вымысел, но вот то, что Ёсимаса во Дворце Цветов всецело отдался своей страсти к изящным искусствам, не подлежит сомнению. А рядом с его резиденцией в то же самое время погибали люди. Во время смуты Онин большая часть Киото сгорела дотла.

汝や知る都は野辺の夕雲雀
あがるを見ても
落つる涙は

Столица заросла травой.
Глядя на жаворонка, взмывающего ввысь,
Не могу удержаться от слёз.

(перевод Е. Симоновой)

Трудно вообразить такое.

Сибэ. Да, пожалуй, нам, современным людям, сложно представить человека, который создал свой прекрасный мир посреди войны и хаоса... Как Вы заметили, немало исследователей привлекает личность Ёсимаса, но нет ни одного, который провёл бы основательное исследование и написал его биографию. Накамура Наокацу немного занимался этой темой, известны работы критиков Караки Дзюндзо и Цудзидзэн Носкэ. Однако фигура Ёсимаса не была основной темой их исследований. Культура эпохи Муромати начала формироваться во времена правления Аскага Ёсимицу и получила название культуры Китаяма⁷, но окончательно сложилась и получила известность как культура Хигасияма (культура Восточной Горы), где располагалась резиденция Ёсимаса. И этот Ёсимаса во время смуты Онин, глядя на то, как умирают от голода люди под окнами его дворца, устраивал пиры и возводил великолепный Серебряный павильон. Мне трудно понять это.

Однако он проявлял исключительную заботу о тех, кого знал лично. И это не были *даймё* или знатные горожане. Это были люди искусства. Конечно, тогда не было такого социального неравенства, как в эпоху Эдо. Тем не менее, крестьяне, не имевшие своего рисового поля (суходольное поле не в счёт) и не занимавшиеся выращиванием риса, были презираемы. Конечно же, крестьянин, владеющий суходольным полем, стоял на иерархической лестнице ниже, чем хозяин рисового поля. Ну а тот, кто не имел даже суходольного поля, жил на берегу реки, непригодном для земледелия. Берег не принадлежал никому, так что, если повезёт, можно было выращивать там овощи, например, *дайкон*. Такие люди часто занимались садоводством, становились артистами или же подавались в торговцы.

⁶ Война годов Онин, Смута годов Онин (応仁の乱 *о:нин- но ран*) – гражданская война в средневековой Японии, длившаяся 10 лет (с 1467 по 1477 г). Ее отличительная черта в том, что она происходила не на всей территории Японии, а в основном в столице Киото.

⁷ Культура Северной Горы (北山文化 *китаяма бунка*, «культура Северной Горы») – термин, которым обозначают японскую культуру 2-й половины XIV – начала XV в. Соответствует началу периода Муромати, правлению 3-го сёгуна Асикага Ёсимицу. Культура названа в честь «Северной горы» Китаяма, местности неподалеку от средневекового Киото, где сёгун имел собственную резиденцию, известную сегодня как «Золотой павильон».

Однако те, кого называли *каварамоно*⁸ – парии, жившие когда-то на неплодородных берегах рек – попадая в дома городских торговцев или ремесленников, не могли подняться в жилые помещения. А Ёсимаса привечал художников *ами*, которые тоже принадлежали к низшей касте. По сути, так он реализовывал принцип *исси до:дзин* (досл. «ко всем относиться как к равным, сострадать всем одинаково»), идею равенства. Асикага Ёсимаса был единственным сёгуном, который когда-то заявил: «Все люди равны». В домэйдзийскую эпоху только Ёсимаса неоднократно говорил о том, что все люди от рождения равны, что сёгун – такой же человек, как и тот, кто родился не во дворце. Но в то же время он, наделённый властью, наблюдал за событиями смуты Онин, ничего не предпринимая.

По сути, Ёсимаса полностью оставил политическую деятельность, и хотя обладал статусом и полномочиями, подобными положению трибуна в Древнем Риме, совершенно отдалился от политики. Крупные князья, невежественные и беспощадные, сосредоточив в своих руках огромную власть, все свои силы отдавали политической борьбе в «нижнем партере», а у Ёсимаса, который принадлежал по праву рождения к политической элите, один только «запах» политики вызывал отвращение. Как избавление от этого и возник, вероятно, созданный им мир.

Кин. Зная, что множество людей погибают от голода, он перестраивал Дворец Цветов, но не потратил даже ничтожной суммы для простого народа. Зато на свои удовольствия денег не жалел. Да и об артистах заботился и жертвовал им немалые деньги. И это в то время, когда буквально в двух шагах от него люди умирали от голода. Как бы ты ни презирал политику, но, считая всех людей равными, должен, вероятно, воспринимать их страдания и смерть как имеющие отношение и к тебе лично.

Сиба. Идея равенства не была для Ёсимаса тем, что органично входит в жизнь человека с детства. Это было связано с идеями дзэн-буддизма, которым он в какой-то момент увлекся. Изначальное равенство людей – это дзэнский принцип. Добродетельный человек должен помогать голодающим и без каких-либо деклараций. Но Ёсимаса стремился жить в соответствии со своими принципами. Если представить себе человека, жизнь которого определена его взглядами и идеями, то, вероятно, Ёсимаса был таким.

По правде говоря, я сегодня впервые был в Серебряном павильоне. Когда-то давно я приехал в Гинкакудзи и увидел, как перед воротами храма монахи вели оживлённую торговлю. Это неприятно поразило меня, словно свидетельство девальвации ценного. Дальше ворот я не прошёл. Но сегодня, когда я в первый раз увидел Серебряный павильон так близко, все было совсем не так, как когда-то: может быть, из-за луны на небе, а может быть, благодаря присутствию Дональда Кина, не знаю, по какой причине, но тучи, нависавшие над Гинкакудзи, вдруг рассеялись. И я смог почувствовать совершенную красоту храма, представшего перед нами в слабом лунном свете. Его не мог создать обычный человек. Это должно было быть творением кого-то, кто порвал с привычной человеческой жизнью. Когда я смотрел на изваяние Ёсимаса в Гинкакудзи (кажется, это был

⁸ Каварамоно (河原者 *каварамоно*, досл. «люди с *кавара*») – социальная группа населения, подвергавшаяся дискриминации, каста неприкасаемых в Японии. Термин *кавара* (досл. «высохшее русло реки»), указывает на то, что территории поселений находились на берегах рек, были покрыты галькой и непригодны для земледелия.

Восточный храм), в его лице, как заметил Кин-сан, не было даже намёка на заурядность. Это не значит, что в его облике было что-то особенно героическое. И не был он похож на искателя истинного пути, который обрёл просветление. Образ Ёсимаса, воплощённый в этом деревянном изваянии, был даже какой-то слишком бесстрашный. Глядя на него, я подумал: «Так вот какой муж был у знаменитой Хино Томико⁹...». Ёсимаса прекратил отношения с женой, но она, тем не менее, снабжала его деньгами. Необычная супружеская пара, не правда ли? Ёсимаса сумел создать свой собственный, только ему принадлежавший мир, к которому он так стремился. Однако как политический деятель он не выдерживает никакой критики.

Кин. Сейчас Гинкакудзи является, безусловно, дзэнским монастырем, и Ёсимаса следовал дзэн-буддизму, но в то же время был приверженцем учения о Чистой Земле. Правда, и в суеверия он, судя по всему, тоже верил.

Сиба. Восточный храм (Тогудо) в Гинкакудзи посвящен Будде Амида. В дзэн-буддизме, где главным является идея просветления, почитание образа Будды не является необходимым. Специально посвятить храм Будде, который и так встретит тебя после смерти, и стремиться в Западные Земли, находясь на Востоке... Здесь мы можем ощутить неистовое стремление Ёсимаса обрести Рай Чистой Земли, не правда ли? Но если ты уже достиг *сатори*, всё это – храмы и почитание Будды – становится неважным. А к тем, кто занимается ненужным, относятся с подозрением.

Кин. Всё, что относится к культуре Восточной Горы, вызывает у меня огромный интерес. Любые источники того времени, связанные со смутой Онин, периодам до или после этих лет, очень важны для меня. Однако образ одного из главных действующих лиц того времени какой-то неясный, расплывчатый. Я никак не могу понять этого человека – Асикага Ёсимаса. Получается, не могу понять центральную фигуру всей этой композиции. В каком-то смысле он был безумцем, как Вы полагаете?

Сиба. Да, в каком-то смысле он был безумен. Был тем, кто жил в своей реальности, на реальность совсем не похожую.

Смута Онин как революция

Кин. Хотелось бы поразмышлять о «серебре» Серебряного павильона... Для японцев того времени золото, безусловно, должно было обладать неизмеримо большей ценностью, чем серебро. Уже стоял возведенный Асикага Ёсимицу¹⁰ Золотой храм, и Ёсимаса знал, что его творение не сможет стать таким же. Не сможет быть похожим на Кинкакудзи. Серебро по определению не так драгоценно, как золото, так и Серебряный павильон не может быть столь же великолепен, как Золотой храм. Я думаю, Ёсимаса всегда осознавал, что созданный им мир имеет границы.

Сиба. Возможно, он сознательно создавал свой мир в пределах определённых границ.

⁹ Хино Томико (日野 富子, 1440–1496) – дочь Хино Сигэмаса, жена Асикага Ёсимаса, мать Асикага Ёсихиса, 9-го сёгуна Асикага. Вопрос о наследовании рассматривается как одна из причин смуты Онин.

¹⁰ Асикага Ёсимицу (足利 義満, 25 сентября 1358 – 31 мая 1408) – 3-й сёгун периода Муромати. Годы правления: с 1368 по 1394 г.

Кин. Да, Ёсимаса строил его, исходя из того, что этот мир – пространство серебра, а не золота. Однако сейчас я думаю, глядя на японцев, что серебро больше соответствует им, чем золото. Немного грустный и печальный цвет серебра более «японский», чем теплый цвет золота.

В трактате «Кюи» («Девять ступеней») Дзэами¹¹ перечисляет возможные уровни мастерства в театре Но, которые называет цветком. Описывая один из них, он прибегает к следующему образу: «Красота снега, наполнившего серебряную чашу». Это эстетический принцип, сформулированный очень по-японски. Я думаю, японцам более позднего времени дух Серебряного павильона был более близок и понятен, чем Золотой храм. Монохромная живопись тушью *суми-э*, искусство цветочной аранжировки, чайная церемония – всё то, что неразрывно связано с культурой Восточной Горы, несёт с собой эстетику Серебряного павильона. Конечно, в Японии есть множество самых разных искусств, но если бы мне предстояло из этого разнообразия выбрать что-то одно, я бы остановился на культуре эпохи Хигасияма.

Сибэ. Я с Вами согласен.

Кин. Великолепные свитки *эмаки*¹² «Повести о принце Гэндзи» являются, безусловно, образцом вершин японской живописи, но, к сожалению, до нас дошло лишь несколько фрагментов. А в Гинкакудзи хранится огромное количество шедевров традиционного японского искусства времен Восточной Горы. Может быть, оттого, что эти произведения близки и понятны японцам?

Сибэ. Возможно, Золотой храм представляется японцам слишком ярким и эффектным, в то время как Серебряный павильон более сдержанный и тонкий. Я думал об этом во время нашего разговора.

Кин. Настоящим «человеком Восточной Горы» можно считать поэта Соги¹³, как Вы считаете?

Сибэ. Да, совершенно верно, он был ярким представителем культуры Хигасияма.

Кин. Соги известен как поэт-странник, но, говорят, он встречал тёплый приём в домах провинциальных князей, а ведь в прежние времена такое и представить себе было невозможно. В эпоху раннего Муромати Кэнко-хоси, автор «Записок от скуки», был всеми презираем, и такой человек, как Соги, живи он на столетие раньше, не смог бы получить признание.

¹¹ Дзэами Мотокиё (世阿弥 元清, 1363?–1443?) – японский актёр и драматург, автор учения об актёрском искусстве.

¹² *Эмаки-моно* (絵巻物) – горизонтальный свиток из бумаги или шёлка, наклеенный на основу, обрамлённую парчовой каймой, с двумя деревянными валиками на концах. Такие свитки представляли собой иллюстрации к романам, повестям, буддийским сутрам. Изображения обычно сочетались с текстом, были популярны в Японии в период с XI по XVI в. Наиболее известным *эмаки-моно* является «Гэндзи-моноготари эмаки» – иллюстрированная история «Повести о принце Гэндзи» начала XII в. Всего было 20 свитков, длина которых в сумме составляла 137 метров, включая более 100 изображений и свыше 300 листов каллиграфии. До наших дней дошли только фрагменты, что составляет около 15 % первоначального произведения. Свитки «Гэндзи-моноготари эмаки» приписывают художнику Фудзивара Такаёси.

¹³ Соги (宗祇, 1421–1502) – японский поэт жанра *рэнга*. Монах дзэн-буддийской школы Риндзай. В 1473 г. поселился в отшельнической хижине в северо-восточной части Киото. Составил личную поэтическую антологию «Васурэгуса» (萱草, «Трава-забвение», 1474), а также руководил составлением антологии *рэнга* «Синсэн Цукуба сю» (新撰菟玖波集, «Новое собрание Цукуба», 1495). Умер во время путешествия в провинцию Суруга.

Сиба. Кэнко-хоси был из семьи не самой знатной, но хорошего рода. И все же с ним не хотели иметь дела. Сейчас люди культуры получили признание, но, думаю, не до такой степени, как во времена расцвета культуры Муромати, когда жил Соги. Местные князья, приглашавшие его, пожалуй, поставили бы себя в глупое положение в случае отказа, вот они и старались изо всех сил, наперебой зовя Соги в гости.

Кин. Из-за смуты Онин японские аристократы *кугэ* были вынуждены бежать из Киото в провинцию, и культура, которая до этого была в основном столичной, вдруг пышно расцвела и там.

Сиба. Да, можно сказать, что культура «внезапно» расцвела.

Кин. Сады, созданные мастером Сэсю¹⁴, или его живопись можно увидеть в разных уголках Японии. А если бы он жил столетием раньше, его работы должны были быть только в Киото.

Сиба. Пожалуй, если воспринимать смуту годов Онин с позиций более позднего времени, это была бессмысленная, пустая война, тем не менее, она повернула историю страны в другом направлении.

В это время на арене войны появились неведомые до этого солдаты-пехотинцы, которых называли *асигару*¹⁵, т. е. «легконогие». Более мобильные, они стали более значимыми в сражениях, чем самураи. Воины *асигару* были искусными лучниками, и со временем участие в сражении пехотинцев стало определять исход боя. Это привело к повышению их социального статуса, что не могло не оскорблять гордость самураев. В средневековой Японии существовали разные влиятельные силы: буддийская община горы Хизэй, придворная аристократия *кугэ*, элита самураев *даймё*; родословная также играла в то время определяющую роль, но в эпоху Восточной Горы всё это постепенно стало терять свою значимость. Может быть, избавление от призраков прошлого и было самым главным результатом той смуты? А во времена Эпохи Воюющих провинций на сцену вышли уже люди из народа, а не аристократы. Ода Нобунага заключил союз с Токугава Иэясу, а в его клане были и крестьяне, и лесорубы, и мелкие землевладельцы. Такие люди в эпоху раннего Эдо сочиняли небылицы о своём высоком происхождении, но если посмотреть на историю самурайской аристократии, большинство было невысокого рода, и это связано, как мне кажется, именно с разрушительным горнилом смуты Онин.

Война годов Онин была довольно странной, это не было революцией, и также не было войной до победного конца, где решающее значение имел исход битвы, но если взглянуть на неё через фильтр более поздних исторических событий, кажется, это была война, которая возникла как не зависящее от воли человека преобразование общества. В ней не было предводителя. Не было и заявленной идеологии. Однако если немного изменить ракурс и посмотреть на эту войну с точки зрения взаимодействия человека и окружающей среды –

¹⁴ Тоё Сэсю (雪舟, 1420–8 августа 1506) – японский художник, один из величайших живописцев японского Средневековья. Дзэнский монах.

¹⁵ *Асигару* (足輕, букв. «легконогие», «не прикрытые доспехами») – вид лёгкой пехоты в средневековой Японии, основным оружием которой были копья, а со второй половины XVI в. аркебузы. Воинами *асигару* называли простых пехотинцев японских армий позднего Средневековья. Они являлись самой многочисленной частью самурайских армий, и их действия на полях сражений во многом определяли исход противостояний соперничавших *даймё*.

экологической, эта смута, как мне кажется, носит до некоторой степени революционный характер. Что касается культуры, её новая идеология, сложившаяся, в основном, в Киото, распространилась по всей стране. Например, стенные ниши *токонома* в домах или использование криптомерий при строительстве, что влекло изменение облика сооружений, и многое другое шло от простого народа. В это время представления Асикага Ёсимаса о человеке вытесняются другими идеями, принесёнными людьми смуты Онин, и уже они начинают влиять на историческое развитие.

Кин. Если следовать этой логике, можно считать, что пожар, уничтоживший во время смуты Онин библиотеку высшего советника императора Итидзэ Канэёси, был благом. Сейчас многие литературоведы полагают, что до нас не дошли ценные прозаические или стихотворные тексты на японском языке, уничтоженные тем пожаром, но, возможно, если бы сохранились все произведения, начиная со времени раннего Хэйан, новая литература не возникла бы, как знать.

Сибэ. Что ж, возможно.

Возрождение золота Эра Сёкухо¹⁶

Сибэ. Мы обсуждали предпочтение японцев золоту или серебру, но нужно заметить, что в то время, когда Асикага Ёсимицу построил Золотой храм, существовал единый Дальневосточный торговый регион. В Китае торговые порты, подобные нынешнему Гонконгу, стали возникать на побережье к югу от реки Янцзы, и в Японии появились торговцы из тех мест. Японский торговый народ устремился в соседние страны. Асикага Ёсимицу также, стремясь обогатиться, принял участие в этом торговом процессе. Во времена Муромати сёгуны были бедны, и думать могли только об обогащении. Провинция была во власти уездных князей, *сёгун* же снаряжал свои собственные торговые суда и отправлял их в империю Мин. Так что Ёсимицу удачно воспользовался быстрым подъёмом торговли в регионе, и кладовые его были полны золотом. А развернули его в сторону торговли выходцы из городского населения Киото. Собственно говоря, торговую политику Ёсимицу (говоря «политика», я имею в виду не политику государства, а прежде всего его собственную, частную стратегию) инициировали и осуществляли торговые люди из Киото. Эти люди были гораздо более низкого происхождения, чем Кэнко-хоси, скорее, такого, как Соги, но дружили с Ёсимицу. «Я возьму подряд, прибыль пополам». Для Ёсимаса подобная торговля была невозможна. Во времена Ёсимаса, хотя Япония ещё не была закрыта для внешнего мира, то, что приходило извне, по каким-то причинам встречало противодействие, так что страна уже была закрыта для внешнего мира, и из этого ощущения закрытости родилась своеобразная культура Восточной Горы, которую Кин-сан назвал самой «японской». Это и есть та «культура серебра», которая противостоит «культуре золота» Асикага Ёсимицу.

¹⁶ Период Адзуги-Момояма (1573–1615) также называют «эпохой Сёкухо» (織豊 *сёкухо*;) по альтернативному прочтению первых иероглифов в фамилиях Ода Нобунага (織田信長) и Тоётоми Хидэёси (豊臣秀吉).

Однако гораздо позднее, например, в то время, когда Ода Нобунага захватил Киото, золото было убедительно реабилитировано. Например, стали популярны ширмы *бёбу*, которые назывались *ракутю ракугайдзу*, «Виды Киото и его окрестностей»¹⁷. Это было идеей Оды Нобунаги. Если бы Ода Нобунага жил в наше время, он, вероятно, был бы художником или поэтом. Но в то время он мог стать только воином.

Для Ода Нобунаги грозной силой был Уэсуги Кэнсин¹⁸ из провинции Этиго, его он победить не мог. А раз победы не добыть, необходимо обмануть. В ход шла весьма изощренная дипломатия. «Ты, верно, хочешь править в Киото. Я буду встречать тебя у моста Карахаси в Сэта и стану твоим верным прислужником. Я буду вести твоего коня в поводу до самого Киото», – кажется, он был способен на такое, даже на такой обман. А какое преподношение в те времена могло отразить великолепие Киото? Конечно, ширма *ракутю ракугайдзу* с изображением Киото. Сейчас некоторые из этих ширм хранятся в доме потомков князя Уэсуги, их расписывал по заказу Ода Нобунаги знаменитый мастер Кано Эйтоку¹⁹. Такая живопись сложилась в единый парадный стиль, существовавший до начала XVII века. Ширмы «Виды Киото и его окрестностей» со сценами городской жизни, судя по всему, вручались в качестве подарка уездным князьям на аудиенции у сёгуна. А исполнение столичного подарка поручалось мастеру из школы Кано. Роскошь золотого фона необходимо было уравновесить деталями – так появились персонажи полотен. Без этих персонажей – португальцев, южных варваров, – жанр городской живописи не сложился бы. Еще там бегают совсем не японские собаки. Собака непременно есть на каждой картине. А иногда среди фигур можно заметить даже чернокожего человека. Это слуга португальца. Без всех этих героев не случилось бы городского пейзажа.

В моем доме есть картина, которая, как я считаю, написана не так давно, но тоже принадлежит к этому жанровому направлению. Я получаю непередаваемое удовольствие, рассматривая её с лупой в руке. На моей картине полно инородцев. Как-то в Национальном музее Киото проводилась выставка ширм «Виды Киото и его окрестностей», и картина из моей домашней коллекции также была на ней выставлена. Я, правда, на выставке не был, видел только каталог экспонатов, но на всех картинах есть «южные варвары».

Наши размышления возвращаются к великолепному золоту и скромному серебру. Асикага Ёсимаса создал неповторимые и «японские», по-настоящему уникальные

¹⁷ «Виды Киото и его окрестностей» (洛中洛外図) – ширмы с росписью по золотому фону с изображением жанровых сцен. Ширмы этого жанра заказывали мастерам зажиточные горожане для украшения своих домов. На росписях основное внимание уделялось не природе, а персонажам и их действиям. Композиция изображений часто свидетельствовала о социальном статусе заказчика или его политической ангажированности, – в частности, особое внимание уделялось изображению усадьбы или дворца какого-либо конкретного знатного горожанина или *даймё*.

¹⁸ Уэсуги Кэнсин (上杉 謙信, 18 февраля 1530 – 19 апреля 1578) – *даймё*, правивший провинцией Этиго, один из наиболее могущественных полководцев эпохи Воюющих провинций в истории Японии.

¹⁹ Кано Эйтоку (狩野 永徳, 16 февраля 1543 – 12 октября 1590) – один из крупнейших художников, основатель школы Кано в японской живописи в период Адзуты-Момояма. Работы Эйтоку отличаются элегантностью, они уникальны по мастерству исполнения. Многие его картины включены в число Национальных сокровищ Японии. Работал по заказам полководцев Ода Нобунаги и Тоётоми Хидэёси. Разрисованные им большие зонты, раздвижные ширмы, настенная и потолочная живопись украшали принадлежавший Нобунага замок Адзуты и дворцы Хидэёси в Киото и Осака. Многие работы художника были повреждены или погибли во время волнений в Японии в период Сэнгоку.

произведения искусства. Возможно, это сформировало культуру времён Восточной Горы. После этого Япония обращает свой взгляд совсем в другом направлении. На этот раз взгляд её устремлён не на Китай, она смотрит в сторону «южных варваров». Это время – период правления Ода Нобунаги, Тоётоми Хидэёси и начало сёгуната Токугава – было «второй молодостью» Японии. Это было время первых христиан, эпоха многочисленных иностранных заимствований. Живопись серии «Виды Киото и его окрестностей» является в каком-то смысле символом этого времени возрождённой юности Японии. В истории страны была эпоха неяркого серебра под названием «Восточная Гора», но эта тусклость и скромность серебра – благо. И вместе с тем мы видим стремление к пышности и обилию золота. На золотой ширме в каком-нибудь замке нередко можно увидеть большую сосну. Некоторые считают, что появление сосны на ширмах, изображавших в основном городскую жизнь, можно объяснить большой загруженностью мастера. Замки росли, как грибы, художники просто не успевали выполнить к сроку заказ, и тогда в какой-нибудь мастерской, например, школы Кано, из-под грубой, как метла, кисти появлялась картина. На предварительно сделанный мастером эскиз ученик наносил краски, и завершённая работа приобретала пышно-парадный вид. Это – то возрождение золота, которое отразилось в эстетических пристрастиях японцев. Порыв ветра, который во времена Асикага Ёсимицу «распахнул окно» на Запад, дух этого движения воплотился в золоте. Если же «захлопнуть окно» в мир, рождается «японское». Так возрождается серебро. И это – бесконечное повторение в культуре Японии.

Красота по-японски

Кин. Что такое, собственно говоря, «японскость»? Японская самобытность? Трудно определить это словами. Например, если меня спросят о том, какая керамика является истинно японской, моё мнение совпадёт с мнением большинства. Я думаю, что японский дух передают не изделия в стиле *какиэмон*²⁰, а скорее глиняные изделия *сино*²¹ или утварь для чайной церемонии *орибэ*²². На первый взгляд грубые и неуклюжие поделки (мастер прилагал немало усилий, чтобы придать изделию эту грубость) гораздо больше передают японский дух, чем красивый фарфор *имари*²³ или *какиэмон*. В Китае или Корее такую керамику не сочли бы искусством...

²⁰ *Какиэмон* (柿右衛門) – стиль росписи фарфора, существующий с XVII в. Фарфор был привезён из Китая в Японию в 1644 г. Сакайда Какиэмон (яп. 酒井田柿右衛門), в честь которого и был назван этот стиль японского фарфора. Этому стилю декорирования фарфора присуще использование многоцветной надглазурной росписи в сочетании с позолотой, асимметричные композиции на белом глазурированном фоне фарфора.

²¹ *Сино* (志野) – стиль белоснежной толстой глазури с полевыми шпатами, первый из средневековых японских стилей, не копировавших китайские образцы.

²² *Орибэ* (織部) – стиль японской керамики, сочетавший грубоватую небрежность форм и элегантную простоту декора.

²³ *Имари* (伊万里, от Имабари, портового города в Японии) – обобщённое название японских изделий из фарфора, которые производили с 1616 г. главным образом для экспорта в Европу. В XVII–XVIII вв. их изготавливали в селении Арита на о. Кюсю и вывозили в другие страны через порт Имабари, отсюда название: *имари-арита*. Ранние изделия *арита* выполняли в подражание классическому китайскому фарфору периода Мин (1368–1644) – с росписью синим кобальтом по белому фону и в «пятицветном стиле».

Сиба. Да, в Китае или Корее её не приняли бы, как почётного гостя.

Кин. Да, несомненно, там решили бы, что это утварь для крестьянина или просто неумелая поделка. Однако японцы стремились к созданию именно такого простого и грубого образа. Конечно, под огромным влиянием Японии я уже лишился изначального свежего взгляда иностранца. Но глядя на подобные предметы искусства, понимаю, что они созданы очень «по-японски». Почему изделия стиля *орибэ* или *сино* японские, а произведённая в той же Японии керамика *сэйдзи* (селадон)²⁴ – нет, сложно объяснить. Это, скорее, из области ощущений.

Сиба. Мне кажется, я понимаю. Сэн-но Рикю²⁵, который предпочитал простые, грубые предметы для чайной церемонии, ставшие сейчас бесценными, открыл для нас японскую красоту. Рикю не писал картин и не был архитектором, и вообще его нельзя назвать человеком искусства, но его чайная утварь, которую будто нашли на обочине дороги в пыли, дело рук настоящего художника. А Фурута Орибэ²⁶ умышленно разбивал готовые изделия. Разбивал, а затем склеивал. Если, хорошенько смешав золотую краску и лак, покрыть чашку, разбить её, а затем склеить фрагменты, места соединения будут совсем как ветви дерева, и оттенки цвета будут прекрасны, благодаря чему чашка приобретёт значительность, – возможно, так рассуждал Фурута. Радость, которую получаешь от того, что сначала разбиваешь, а затем склеиваешь... Такого представления о красоте, верно, нет нигде. Не разбившаяся чашка, нет. Разбить, потом склеить – такова эстетика Орибэ.

Кин. Я полагаю, на Западе такого не встретишь. Например, картины Рембрандта, бережно хранимые в многочисленных частных коллекциях, и сейчас не утратили цветовой палитры времён их создания. Кажется, что не прошли столетия с тех пор, как они были написаны, и это приносит нам огромную радость. Когда-то я слушал лекцию об арабском искусстве, и, насколько я понял, там всё по-другому. Если какой-либо предмет не несёт на себе отпечаток времени, если ты не можешь ощутить его, глядя на этот предмет, он не представляет интереса. Я не владею арабским языком, но знаю слово *барака*²⁷. Значение этого слова имеет много схожего со значением слова *baroque*²⁸. *Барака* обозначает в числе

²⁴ Селадон (青磁) – особый тип глазури, а также специфический бледно-серый оттенок зелёного цвета. Этот тип керамических изделий был изобретён в Древнем Китае.

²⁵ Сэн-но Рикю (千利休, 1522–1591) – историческая фигура, признанная наиболее влиятельной в японской чайной церемонии и отчасти в традиции *ваби-тя*.

²⁶ Фурута Орибэ (古田織部, 1544–1615) – ученик мастера чайной церемонии Рикю. Предполагается, что они познакомились, так как оба были на службе у Оды Нобунаги, их дружба длилась около 10 лет. После смерти Рикю Орибэ тоже стал чайным мастером, хотя и не достиг такого же положения при правительстве. Источники не сходятся во мнениях по поводу его способностей – некоторые открыто смеются над его ошибками, но другие считают, что сама личность Орибэ очень подходила идеалам *ваби*. В 1615 г. Орибэ был вынужден покончить с собой по политическим причинам.

²⁷ Слово *барака* в переводе с арабского означает «благодать», «благословение», «умножение добра», «удача», «чудо». Выйдя за пределы арабского Востока, оно полюбилось во многих странах, быстро вошло во французский и английские языки, обогатилось новыми значениями. К примеру, когда Шарль де Голль хотел подчеркнуть свою неуязвимость и способность завершить свою миссию, заявлял, что обладает «баракой».

²⁸ Барокко, итал. *barocco* – «причудливый», «странный», «склонный к излишествам», порт. *pérola barroca* (досл. «жемчужина с пороком»). Существует несколько версий происхождения слова. В португальском языке *barroca* – жемчужина неправильной формы, не имеющая оси вращения, такие жемчужины были популярны в XVII в. В итальянском языке *barocco* – ложный силлогизм, азиатская форма логики, прием софистики, основанный на метафоре.

прочего дар свыше, подарок Бога. Это таинственное слово, которое со временем обогатилось новыми значениями, с трудом поддается определению. Если бы полотна Рембрандта дошли до нас в том виде, как были написаны, и ничуть не изменились, это было бы уже нельзя назвать *барака*. Но когда ты видишь чашку, покрытую трещинами трехсотлетней давности, которая еще словно хранит аромат того времени, ты можешь ощутить *бараку*. Это сродни духу Рикю.

Сиба. В самом деле, эти ощущения похожи. Я восхищаюсь деревянным изваянием Мироку Босацу («созерцающего Майтрейи») храма Корюдзи²⁹ в Киото, который, верно, когда-то был покрыт золотой фольгой или чем-то подобным. Это еще один образец «золотого» великолепия. Вероятно, когда-то голову Мироку венчало не сохранившееся пышное украшение. Позолота давно облупилась, лак осыпался, и сейчас осталась только деревянная основа, да и дерево спустя тысячелетие почернело от времени. Но благодаря этому мы можем почувствовать красоту и притягательность образа Будды. Будь я китайцем, наверное, захотел бы восстановить прежний облик. В Корее тоже непременно покрыли бы изваяние Майтрейи лаком и краской заново. В японских старинных храмах (таких, как Хорюдзи) красный лак давно стёрся, но в Корее все они сверкали бы свежей киноварью. Там яркость синего и красного цвета, такого, как в храме Тосё-гу³⁰ в Никко, приносит людям радость.

Кин. Да, храм Тосё-гу в Никко известен пышной, поистине «золотой» декоративностью, столь великолепно украшен, что когда-то в старину люди говорили: «Кто не видел Никко, тот не знает прекрасного». А что обозначает эта поговорка?

Сиба. Не понимаю. Признаться, я не большой поклонник Никко. Императорская вилла Кацура³¹ в Киото была построена в то же время. Но трудно представить, что это сооружения одной эпохи, настолько стиль виллы отличается от храмовых сооружений в Никко.

Я долгое время не был в Никко, но однажды увидел его с борта вертолёта. Мне хотелось осмотреть окрестности парка Уэно с высоты птичьего полёта, поэтому я воспользовался возможностью «полетать» над храмом Канъэйдзи³². С высоты был виден масштаб храмового комплекса. Сейчас там размещаются библиотека, музеи, Токийский университет искусств, организация пространства очень сложна. Но когда ты смотришь с высоты, понимаешь: да, храмовый комплекс Канъэйдзи начинается здесь и заканчивается, вероятно, вон там.

²⁹ Храм Корюдзи основан в 622 г. принцем Сётоку.

³⁰ Никко Тосё-гу (日光東照宮) – синтоистское святилище в японском городе Никко, префектура Тотиги. Храм и святилище Никко Тосё-гу посвящён сёгуну и полководцу Токугава Иэясу, основателю династии Токугава. Построен в 1617 г., во время правления сына Иэясу, Токугава Хидэтада. При внуке Иэясу, сёгуне Токугаве Иэмицу, святилище было перестроено и расширено; к этому времени относится нынешнее главное его здание. Никко Тосё-гу является местом захоронения самого Токугава Иэясу и местом поклонения его памяти, а также самым известным Тосё-гу (т. е. храмом, где почитается Токугава Иэясу) в Японии.

³¹ Императорская вилла Кацура (桂離宮) является одним из лучших примеров японской архитектуры. Работа над виллой и садом в их нынешнем виде была завершена в 1645 г., когда здесь появилась резиденция рода Кацура – членов японской императорской семьи.

³² Храмовый комплекс Канъэйдзи (寛永寺) был заложен в 1625 г. Семейный храм династии Токугава, усыпальница шести сёгунов.

У нас оставалось время, и пилот предложил посмотреть еще что-нибудь. – Я не видел Никко, давайте полетим туда! – Мы летели над старой дорогой Накасэндэ. В Токио было солнечно, но небо над Никко было затянуто облаками. – Может быть, посмотрим ворота Ёмэймон? – Пилот спустился, насколько это было возможно. Никко с высоты птичьего полёта мне совсем не понравился.

Кин. Вы меня успокоили (оба смеются). А я впервые побывал в Никко сразу после окончания войны. Это был декабрь 1945 г. Там только что выпал снег. Конечно, во время войны никто не ухаживал за парком. Но свежий снег лежал на земле, и кроме меня, не было ни одного человека. Тот Никко был прекрасен.

Сиба. Принц Тосихито, воздвигший императорский дворец Кацура, что ни говори, был далёк от мирской суеты. А вот усыпальница Токугава Иэясу в святилище Тосё-гу была возведена внуком Иэясу, и для сооружения храмового комплекса были привлечены мастера со всей страны. Вообще Тосё-гу олицетворяет эпоху, когда преклонение перед властью достигло кульминации. Его пышная декоративность – это не стремление созидать прекрасное, а, я бы сказал, речи льстеца, угождающего власти. А может быть, подражание сверкающей золотом эпохе Адзуты-Момояма? Мы уже говорили о том, что роскошь золота отвечала духу начавшейся эпохи Адзуты-Момояма, а завершившаяся эпоха Токугава оставила след в виде подражания и копирования парадного стиля ушедших в прошлое времён. Подражание вызывает тягостное чувство, не так ли? Если бы люди получали представление о японской культуре только по архитектуре Никко, оно, думаю, было бы далеко от истинного.

Библиографический список

1. *Симонова Е.В.* Японцы и японская культура // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2005. Т. 4. № 3. С. 140–152.
2. *Симонова Е.В.* Японцы и японская культура // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. Вып.10: Востоковедение. С. 108–116.
3. 司馬遼太郎 (しば・りょうたろう) ・ドナルド・キーン (Donald Keene) 日本人と日本文化。中公新書, 1972. 187 с.

Поступила в редакцию 10.10.2017

Автор:

Симонова Елена Владимировна, старший преподаватель японского языка кафедры востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета.
E-mail: suzume@ngs.ru

The People and Culture of Japan (Chapter 3). Conversations between Donald Keene and Shiba Ryotaro

E.V. Simonova

This book features conversations between Donald Keene, a preeminent scholar of Japanese literature, and Shiba Ryotaro, an author who continued to contemplate the human condition through his original and distinctive lens of history. These talks—which mainly explore the foundation of Japanese culture—took place in Japanese on three occasions in 1971, in the historic cities of Nara, Kyoto and Osaka. Drawing on their profound insights into Japan's relations with foreign cultures over the course of Japanese history, the two engage in a passionate discussion of their first-hand impressions and observations of Japanese culture.

This article contains a translation of the third chapter of the book “The People and Culture of Japan”. In the third chapter, culture and art of the Muromachi period is being discussed. The main attention in the conversation is given to the formation of the aesthetic principles of this time, which influenced the further development of Japanese culture. Reflecting on the features of the concept of beauty “in Japanese”, the interlocutors consider the features of the Golden Temple and the Silver Pavilion, Japanese architecture, painting and ceramics.

Donald Keene is a Japanologist who has published about 25 books in English on Japanese topics, including both studies of Japanese literature and culture and translations of Japanese classical and modern literature, including a four-volume history of Japanese literature. Keene has also published about 30 books in Japanese, some of which have been translated from English. He is President of the Donald Keene Foundation for Japanese Culture. He received the Medal of Culture in 2008.

Shiba Ryotaro was born in Osaka in 1923, and graduated from the Mongolian department at the Osaka Foreign Language School. In 1960, while working as a newspaper reporter, he received the Naoki Prize for his first novel “Fukuro-no shiro” (Castle of Owls), after which he became a full-time novelist. He has received many other awards, including the Japan Art Academy's Imperial Award, for his numerous historical works such as “Kukai-no fukei” (Kukai the Universal: Scenes from his Life). He received the Order of Culture in 1993. Other prominent publications include “Ryoma-ga yuku” (Ryoma Goes his Way), “Kaido-wo yuku” (On the Highway), “Kono Kuni-no Katachi” (The Form of Our Country), and “Saka-no ue-no kumo”(Clouds above the Hill). He died in February 1996.

Keywords: Muromachi period, aesthetic principles of Japanese art, gold, silver.

Received 10.10.2017

Author:

Simonova Elena V., Lecturer, Department of Oriental Studies of the Humanities Institute of Novosibirsk State University. E-mail: suzume@ngs.ru